

DOI: 10.19181/inter.2023.15.4.5
EDN: CWYWLN

Визуальные социологические данные как социальный конструкт

Ссылка для цитирования:

Ильин В. И. Визуальные социологические данные как социальный конструкт // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 4. С. 97–114. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.4.5> EDN: CWYWLN

For citation:

Ilyin V.I. (2023) Visual Sociological Data as a Social Construct. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 15. No. 4. P. 97–114. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.4.5>

Ильин Владимир Иванович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: ivi-2002@yandex.ru

Интерпретация визуальных данных, полученных в полевом исследовании, в существенной мере определяется процедурой их получения. Общеизвестно, что взгляд фотографа может быть предвзятым, однако целью статьи является именно анализ процесса социального конструирования визуальных социологических данных исследователем с фотокамерой.

Визуальные данные имеют противоречивый характер. С одной стороны, они представляют собой физический отпечаток реальности. Это обусловлено технологией фотосъемки. Абсолютизация этого качества чревата переоценкой достоверности фотографий. С другой стороны, они созданы наблюдателем, который не может не оставить свой отпечаток на их содержании и форме. Учет характера этого отпечатка необходим для интерпретации данных.

В процессе их социального конструирования можно выделить несколько качественно различных этапов. (1) Выбор наблюдателем в неразрывном потоке социальной реальности «пикселей» фактов. (2) Их сортировка: наблюдатель придает им статус «важных», «любопытных» или выводит за скобки своего внимания. Сам процесс создания данных уже является их интерпретацией. (3) Кадрирование, адекватное предмету исследования. (4) Выделение в кадре

элемента, по которому производится фокусирование. (5) Выбор момента создания кадра. (6) Сортировка полученных кадров. Одни по разным причинам стираются, другие попадают в базу данных. (7) Обработка снятого кадра (обрезка «лишнего», корректировка фокусировки внимания с помощью уровня освещенности и т.д.). В процессе движения от этапа к этапу наблюдения социологические факты превращаются в данные как материал для дальнейшего анализа.

Все социологические данные являются социальными конструктами. Фотоснимки, полученные в полевом исследовании, не исключение. Их достоверность обеспечивается, во-первых, анализом процедуры их получения, чертовой субъективацией реальности, во-вторых, триангуляцией источников, наблюдателей и методологий; в-третьих, репутацией исследователя.

Ключевые слова: социальный факт; визуальные данные; жизненный мир; объективизм; конструктивизм

Введение

Данные — это кирпичики, из которых строится теоретическая модель, конечный продукт социологического исследования. Ее качество прямо зависит от характера используемого исходного материала.

Несмотря на рост интереса к визуальным методам, много методологических и методических проблем остается в тени внимания исследователей. Часто под термином «визуальная социология» понимаются качественно разные направления: исследования визуальной культуры и визуальные методы полевого исследования. Общая шапка создает смысловую путаницу.

Среди методологических вопросов, нуждающихся в прояснении, важное место занимает проблема достоверности визуальных социальных фактов и данных. Она достаточно хорошо осмыслена применительно к художественной фотографии (см., например, фундаментальные исследования Андре Руйе [Руйе, 2014] и Сюзен Сонтаг [Сонтаг, 2013]). С социологической перспективы эта тема рассматривается в некоторых текстах [Штомпка, 2007; Maresca, Meyer, 2013], однако проблема визуальных фактов и данных затрагивается в них вскользь. Между тем без прояснения процесса конструирования фактов и данных проблема достоверности визуальных данных полевого исследования остается нерешенной.

Социальный факт и социологические данные как конструкты

Эмиль Дюркгейм предложил классический вариант объективистского понимания социальных фактов: их «нужно рассматривать как вещи». Во-первых, они проявляются в том, что оказывают на индивидов принуждающее

влияние; во-вторых, они более или менее распространены; в-третьих, существуют независимо от их индивидуальных проявлений [Дюркгейм, 1991]. Понимание социального факта, предложенное Э. Дюркгеймом, доминирует и в современной социологии¹.

Это означает, что социальные факты существуют независимо от людей, на которых они оказывают воздействие. Социальный факт — это «способ действий, чувствования или мышления, внешний по отношению к индивиду и обладающий силой принуждения, позволяющей контролировать жизнь людей»².

О. Конт утверждал, что объективная реальность раскрывается науке через ее наблюдение. Но если отойти от общего принципа к практике, то мы сталкиваемся с неизбежной избирательностью наблюдений. Реальность раскрывается через активность наблюдателя.

Как писал еще Н. И. Кареев об объективизме, «последовательное проведение его на деле оказывается невозможным» [Кареев, 2018]. Нельзя смотреть на мир вообще. Взгляд или сопутствующая ему мысль фокусируется на элементах, сторонах объективного мира, превращая их в свой предмет. Иначе говоря, как только мы пытаемся наблюдать социальные факты, мы их неизбежно субъективируем, заключая в рамки фокуса нашего внимания, и подчиняем своим вопросам. Анализ невозможен без расчленения реальности, однако сама социальная реальность имеет непрерывный характер. Это глаз и интеллект наблюдателя привносят в нее понятия структуры, сливая в неразрывное целое одни элементы и выделяя другие.

Таким образом, переход от констатации объективного характера социальных фактов к их изучению неизбежно предварительно превращает их в социальные конструкты, пригодные для построения научных теорий. Последние состоят не из элементов объективной реальности, а из их отражений, которые являются плодом наблюдения. И эта логика субъективирующего наблюдения применима как к социальной, так и к природной реальности.

Как бы последовательно наблюдатель ни придерживался принципов позитивизма, он не в состоянии вывести себя за скобки отношений объекта и субъекта. Это не исключает методологического лукавства, маскирующего присутствие наблюдателя, на видение которого оказывает влияние и используемая оптика (телескоп или микроскоп), и интересы, проистекающие как из практических нужд, так и из любопытства. Факт — это воспринимаемое положение дел. Факт является инструментом сознания. То, что мы не видим, о чем не знаем, существует объективно, но не является фактом. Реальность входит в жизнь людей через ее восприятие. То, что сейчас представляется нам объективно существующим, мы и называем фактом. Завтра мы в этом можем сильно усомниться и пересмотреть свое определение.

¹ Социальный факт // Академик. URL: https://sociological_dictionary.academic.ru/648/СОЦИАЛЬНЫЙ_ФАКТ?ysclid=lobkswocvf581555088 (дата обращения: 02.11.2023).

Social fact // Open Education Sociology Dictionary. URL: https://sociologydictionary.org/social-fact/#definition_of_social_fact (accessed 3 November 2023).

² Social fact // Open Education Sociology Dictionary. URL: https://sociologydictionary.org/social-fact/#definition_of_social_fact (accessed 3 November 2023).

Внешняя реальность воспринимается наблюдателем через линзу его жизненного мира. Там ее отражение преломляется и сортируется по зонам. (1) Зона жизненно важного. Сюда попадают замеченные факты, знание которых принципиально необходимо для индивидуума. (2) Зона любопытного. Здесь оседают факты, которые никак не влияют на жизнь человека, но узнать их любопытно (например, для любителя футбола это график чемпионата). (3) Зона чуждого. Эта зона пустоты, в которую не допускается «информационный мусор». В реальности все эти феномены есть, но определенная их часть отсеивается как «неважная» или «неинтересная». В результате для конкретного индивидуума их фактически нет.

Наблюдатель, проводящий визуальное исследование, пользуется схожей структурой жизненного мира. Ее особенность в том, что точкой отсчета в процессе сортировки выступают цель и задачи исследования. Он отталкивается от того, что жизненно важны факты, обеспечивающие их достижение. Он их снимает, формируя базу данных. В зоне любопытного могут оказаться снимки, которые сегодня прямо не работают на конкретное исследование, но включаются в сферу научных интересов, а потому могут либо пригодиться в будущем, либо используются для расширения кругозора.

Собранные визуальные данные имеют интенциональный характер: снимки делаются не просто так, а для чего-то. Цель и задачи исследования задают смысл процесса фиксации социальных фактов.

Нередко категории фактов и данных смешиваются до уровня взаимозаменяемости. Однако наука, в отличие от литературы, не любит синонимы, которые являются в ней показателем словесной избыточности. Каждое слово предназначено для фиксации если не качественно разных явлений, то их оттенков.

Если факты — это воспринимаемая объективная реальность, то данные — это результат фиксации этого положения дел на языке цифр, слов или образов. Если говорить на языке гегелевской диалектики, то факты — это сущность, являющаяся в форме конкретных данных. И это уже репрезентация социального конструкта.

Наблюдатель созерцает реальность. Потом он в ней выделяет что-то достойное внимания. На этом участке реальности фокусируется взгляд. Если замеченное представляется в качестве фактора, влияющего на отношения людей или жизнь общества, то этот элемент наделяется статусом социального факта. Он отпечатывается в сознании в виде образа, который превращается в данные при попытке его передачи другим в форме словесного описания или рисунка по памяти. Наблюдатель с камерой может попытаться материализовать этот образ, сняв фотографии. И только тогда они приобретают статус визуальных данных.

Этому переходу от факта к данным не всегда уделяется должное внимание. Так П. Штомпка определяет визуальные данные как «замечаемые, внешне наблюдаемые аспекты общественной жизни» [Штомпка, 2007]. Он ссылается на других исследователей, придерживающихся такого же понимания визуальных данных: они «потенциально охватывают всякие предметы, людей,

места, события или ситуации, которые может наблюдать человеческий глаз» [Emmison, Smith, 2000: 59]. Без подчеркивания процесса их фиксации смысл существенно меняется: любой человек, празднично рассматривающий окружающий мир, будет определяться как наблюдатель, создающий визуальные данные, но это не так. Факты, которые не зафиксированы согласно принятой процедуре, в науке не считаются данными. Именно в таком сомнительном статусе пребывают кем-то увиденные и словесно описанные в качестве фактов ситуации встреч с чудовищами, инопланетянами, снежным человеком и т.д. Аналогичными сообщениями переполнены и описания общественной жизни.

Эволюция интерпретации снимка в истории фотографии

История исследовательской фотографии демонстрирует тренд движения от объективистской традиции через методологические сомнения к субъективистской, а затем к интегративной логике.

Объективистская традиция. Период фотографии-документа¹

Появление фотографии породило надежды, что изобретен метод, обеспечивающий абсолютную объективность, так как фотоснимок создается лучами, попадающими на чувствительную пластинку. На первом этапе истории фотографии, достигшей расцвета в период индустриального общества, ей придавалась документальная ценность. «Фотография-документ основана на вере в то, что она является прямым запечатлением» [Руйе, 2014: 192]. Фотография представлялась таким же объективным слепком с реальности, как след ноги, оставленный на мягкой почве.

Однако со временем это представление подверглось радикальному сомнению: с высоты XXI века вера в эквивалентность объекта съемки и его изображения может казаться уже «безумной иллюзией» [Руйе, 2014].

Период фотографии-выражения²

По мере расширения использования фотокамер в разных сферах жизни возникли методологические сомнения в абсолютной объективности получаемых документов, причем уже в начале XX века, и постепенно нарастали, совпадая с изменением отношения к объективной реальности вообще. Как констатирует Андре Руйе, мир стал слишком сложным для фотографии-документа, кроме того, «сам мир все чаще становится предметом подозрений», заканчивается вера в него [Руйе, 2014].

И тогда начался переход от понимания фотографии как документа к ее интерпретации как выражения субъектности фотографа, что приблизило ее методологический статус к письму. «В мире, где царит фотографическое изображение, все границы („кадр“) кажутся произвольными. Все можно отделить, отчленить от чего угодно другого — надо только нужным образом

¹ Термин теоретика фотографии Андре Руйе [Руйе, 2014].

² Термин Андре Руйе [Руйе, 2014].

выстроить кадр вокруг объекта. (И наоборот — можно что угодно к чему угодно присоединить)» [Сонтаг, 2013: 78]. Эти методологические сомнения распространяются на все жанры фотографии, включая ее исследовательскую разновидность. Нельзя ничего снимать, не создавая помех в виде самого фотографа, не оставляя отпечаток личности.

Фотография в эпоху постистины

Эпоха цифровой фотографии и искусственного интеллекта совпала с наступлением эпохи так называемой постистины¹. Оксфордский словарь английского языка назвал постистину словом 2016 г. Это понятие, введенное в оборот в 1992 году, активно использовалось в начале XXI века, но всплеск популярности пришелся на 2016 год².

С одной стороны, в новой технологической реальности все поддается очень убедительной подделке. С другой стороны, во многих сферах (в первую очередь в политике, бизнесе и искусстве) упала ценность объективной истины, принципиальная возможность которой ставится под сомнение. Все более заметно прагматическое понимание истины. В марксизме ее критерием считалась практика. С прагматической точки зрения истина — это то, что обеспечивает успех. В этих условиях статус фотографии как объективного документа упал как никогда низко. Постистина — это ситуация, в которой теряется ценность достоверности. Каждый верит той фотографии, которая вписывается в его систему ценностей и взглядов, закрывая глаза на то, что вызывает когнитивный диссонанс.

Проблема предпонятий

В классической традиции, тесно связанной с принципами позитивизма, сверяющегося с опытом естественных наук, доминирует представление о том, что сбору данных предшествует формулирование гипотез на основе уже имеющихся теорий. В количественных методах иначе, видимо, и нельзя: чтобы сформулировать вопросы, надо представлять возможные ответы.

Эта логика часто переносится и в качественные методы, в том числе визуальные. П. Штомпка в качестве критерия, отделяющего социологическое визуальное наблюдение от туристических снимков, называет «социологическое намерение». Это означает, что наблюдатель с камерой руководствуется каким-либо вопросом или проблемой, «вытекающей из ранее сложившихся

¹ Post-Truth (англ.) часто переводится на русский язык как «постправда». Однако такой перевод мне представляется искажающим смысл этой категории. В русском языке, в отличие от английского, издавна «правда» не являлась синонимом «истины». Ярким проявлением дифференциации этих категорий являлась партийная большевистская газета «Правда» (издавалась с 1912 года). В большевистской методологии «правда» является по своей сути партийной, то есть подчиненной интересам партии. История газеты «Правда» на протяжении всей ее истории была реализацией этого принципа.

² Word of the Year 2016 // Oxford Languages. URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2016/> (accessed 3 November 2023).

Рисунок 1. Фото. В 2023 г. бывшего президента США в разных штатах стали привлекать к уголовной ответственности по различным статьям. И еще до его задержания в интернете стали распространяться сфабрикованные фотографии его будущего задержания и сопротивления полиции. В силу очевидности фальшивки она приобрела статус шутки. *Источник: Вечерний Санкт-Петербург, 4 апреля 2023.*

воззрений на общество, которым соответствовали бы выбор темы, композиция снимка, способ кадрирования, <...> оперирование глубиной резкости (фокусировка на том, что важно) и другие композиционные или технические меры» [Штомпка, 2007].

Здесь возникает гносеологическая колея как жесткая зависимость новых исследований от предшественников. Наблюдатель идет в поле собирать данные, опираясь на уже готовый теоретико-методологический инструментарий. И это чревато проблемой: трудно увидеть новое, используя старую оптику.

Многие путешественники, приезжая в чужую страну с благой целью рассказать о ней, поделившись своими наблюдениями, нередко оказывались в плену своих убеждений, предшествующего опыта и стереотипов. Они смотрели на новую реальность через эту оптику. Именно такой характер имели книги, написанные по итогам посещения СССР в 1920–1930-е годы иностранными литераторами, такими как Г. Уэллс, Б. Шоу, А. Жид, Л. Фейхтвангер, Л.-Ф. Селин [Ватолина, 2006].

Это характерная черта взгляда туриста. Он едет в новые места, вооружившись знанием того, что там достойно его внимания и фиксации в жанре

«я и достопримечательность». Он смотрит на новый мир через оптику старых стереотипов.

Еще Э. Дюркгейм сформулировал суть этой опасности: «Вместо того, чтобы наблюдать вещи, описывать и сравнивать их, мы довольствуемся тогда тем, что проясняем наши идеи, анализируем и комбинируем их. Науку о реальности мы подменяем анализом понятий». Отсюда вытекает его призыв перейти к наблюдению вещей, освободиться от «предпонятий» [Дюркгейм, 1995: 81].

Исключением среди известных визитеров, побывавших в советской Москве, стал В. Беньямин, увидевший город в период нэпа и оставивший в качестве документа той эпохи «Московский дневник» (1927 г.) [Беньямин, 1997]. Он отказывается в доверии представлениям других (носителям российской культуры во время его пребывания в Москве) относительно наблюдаемых им объектов, но в то же время отказывается и от своих собственных умонастроений и представлений, предшествовавших его эмпирическому опыту [Ватолина, 2006].

Эта стратегия наблюдения реальности, видимо, прямо вытекала из исследования В. Беньямином творчества Ш. Бодлера [Беньямин, 2015: 37–73]. В Париже второй половины XIX века у представителей средних классов сформировался стиль жизни так называемого фланирования, то есть праздного гуляния по улицам и наблюдения городской жизни. Фланер наблюдал, не имея предварительных вопросов и проблем. Они возникали в процессе фланирования: сначала глаз цеплялся за что-то, задерживался, присматривался, а потом возникал вопрос. Эта логика изначально свободного наблюдения применима и в социальных науках. Исследователь не идет в поле с готовым вопросом. Он там его находит.

В. Шкловский в ту же эпоху ввел в оборот категорию «остранение» (от слова «странник»). Он писал о литературе, но этот принцип вполне применим и к социологии. Суть процедуры в том, что наблюдатель представляет себя в роли странника, смотрящего на происходящее равнодушными и любопытными глазами постороннего. «Целью искусства является дать ощущение вещи как видение, а не как узнавание; приемом искусства является прием „остранения“ вещей» [Шкловский, 1929].

Этот принцип вхождения в поле с максимально чистым сознанием, не перегруженным предпонятиями, в дальнейшем получил распространение в качественных исследованиях. Однако от признания принципа до его реализации долгий и проблемный путь. Попробуйте смотреть на мир так, будто видите это в первый раз! Испорченное в предыдущей жизни зрение не исправить признанием того, что оно несколько искажает действительность.

Определение соотношения наивности, незамутненной предвзятыми представлениями, и целенаправленности конструирования фактов зависит от этапа исследования. На ранних этапах предпочтение отдается наивности, на поздних — фокусированному наблюдению, то есть поиску фактов для ответа на конкретные вопросы уже заготовленной программы.

Динамика конструирования визуального социального факта

Кадр-объект — это то, на что направлены взгляд и внимание наблюдателя. Он может быть очень масштабным, но взгляд фокусируется в достаточно узких пределах. Нельзя смотреть на весь горизонт. Физиология глаза ограничивает такое устремление. Правда, возможен взгляд, скользящий по линии горизонта или вдоль большого объекта, но это фактически серия взглядов.

Затем к взгляду адаптируется в рамках своих возможностей, зависящих от фокусного расстояния объектива, видеоискатель фотокамеры. С помощью взгляда и его рамки наблюдатель определяет, что станет снимком, то есть визуальными данными.

Кадр-предмет — это та сторона (срез) объекта, на который направлены сначала избирательный взгляд, а затем и объектив. Они фокусируются не просто на объекте, но выбирают в нем ту сторону, которая станет темой снимка, будущей базой для материализации визуального социального факта. С помощью манипуляций с камерой наблюдатель подстраивает под задачу фиксации предмета кадр, глубину резкости и, по возможности, освещение.

Наблюдатель с камерой конструирует визуальные данные, находясь под давлением целого комплекса факторов.

Во-первых, это влияние социальных, культурных и политических обстоятельств, навязывающих ему использование специфической избирательной оптики. Наблюдатель, особенно профессиональный, находится под давлением социального заказа в самом широком смысле этого слова: снимаю для того, чтобы кому-то это показать. Однако, если снимок противоречит общественной морали, идеологии или политическим взглядам потенциальной публики, не соответствует критериям цензуры (в широком, а не строго юридическом смысле этого слова), то его социальная значимость может казаться стремящейся к нулю. В конце 1970-х годов директор одного из архивов, контролируя сделанные мною выписки из документов, спросил: «Зачем вы выписываете негативную информацию, ведь вы ее нигде и никогда не опубликуете?» Через 20 лет оказалось, что он ошибался, но в момент нашего разговора я об этом не знал.

Во-вторых, это индивидуальная субъектность, которую можно представить в виде фильтра, включающего вкус, личное мировоззрение, интересы, настроение и т.д. Внешний мир воспринимается через этот фильтр. В результате одни его элементы оказываются незамеченными, а другие толкают взяться за фотокамеру.

Внимание избирательно. С одной стороны, его приковывают объекты, физически выделяющиеся на общем фоне своим размером, ярким цветом, необычным поведением, эстетическими характеристиками и т.д. С другой стороны, объект выделяется необычностью на фоне опыта наблюдателя [Ильин и др., 2020: 74–94].

Контекстуальность социальных данных

Исследователь всегда сталкивается с методологической проблемой, порожденной противоречием между относительно масштабной цельностью социальной реальности и инструментарием, позволяющим зафиксировать ее лишь путем дробления на «пиксели» данных. В полной мере эта проблема неразрешима: в мире все взаимосвязано. В микроситуации социального взаимодействия часто без труда прослеживается влияние глобальных трендов. Сбор эмпирических данных требует жесткого ограничения рамок объекта в пространстве и времени. В противном случае обнимающий все быстро обнаруживает, что обнимает пустоту.

При сборе визуальных данных противоречие между необходимостью учета контекста и неизбежностью кадрирования стоит особенно остро. Кадр по своей физической природе направлен на вырывание ситуации «здесь и сейчас» из безграничности пространства и времени. Простое изменение границы кадра нередко влечет за собой качественный сдвиг в смысле визуальных данных.

Кейс: Портрет девушки в социальном контексте (февраль 2023 года)

Цель данного кейса — демонстрация того, как изменение границы кадра качественно меняет контекст. И это превращает кадрирование в серьезную методологическую проблему.

Если кадр ограничить лицом девушки, то почти полное отсутствие социального контекста открывает безбрежный простор для домысливания. Лишь представления о расах ставят предел этому полету фантазии. Эта девушка могла жить где угодно и когда угодно, и только наличие фотокамеры ограничивает исторические рамки. Такой снимок не может быть социологическим документом.

Рисунок 2. Фото.
Источник: сделано автором.

Но вот мы раздвигаем кадр, и в него попадает билборд с изображением мифологизированного героя кубинской революции. И перед нами уже снимок, иллюстрирующий идею верности кубинской молодежи заветам бесстрашных дедов. Здесь портрет девушки погружен в контекст революционной идеологии, и это формирует смысл снимка.

Куба на протяжении длительного исторического периода (начиная с 1959 года) была форпостом прогрессирующей мировой социалистической революции, противостоящей мировому империализму во главе с США. Символом революционной романтики все эти годы был Че Гевара, сражавшийся за дело революции не только на Кубе, но и в других странах Латинской Америки и Африки. Многие тысячи кубинцев следовали его примеру и погибали на фронтах этой революции вдали от дома.

Рисунок 3. Фото.
Источник: сделано автором.

Но вот мы снова раздвигаем рамки кадрирования, и на снимке уже девушка, одетая в модную фирменную одежду. Бренд Рита логически не соответствует портрету Че Гевары, но достоверно отражает формирующийся на Кубе

культурный компромисс в духе постмодерна: цитаты из романтических революционных мифов сочетаются с цитатами глобального общества потребления. Татуировка на руке такая же, какие набивают миллионы молодых людей по всему миру, в ней нет и намека на революционные идеалы.

Средняя зарплата на Кубе — 20 долларов в месяц, но этот факт никак не вяжется с обликом девушки. Проблема сдвигается из культуры в социально-экономическую сферу. Снимок провоцирует вопросы.

Изменяем границы кадра и ракурс, и в новом контексте мы видим уже не просто кубинскую девушку, а официантку сельского ресторана. Привлекая иные источники, мы находим объяснение портрета: на современной Кубе разрешены контакты с родственниками-эмигрантами, которые завозят на остров подарки буквально мешками и огромными сумками, участвуют на паях с местными жителями в создании ресторанов и отелей. Данная официантка работает в одном из таких частных ресторанов, вход в который украшен постером с Че Геварой.

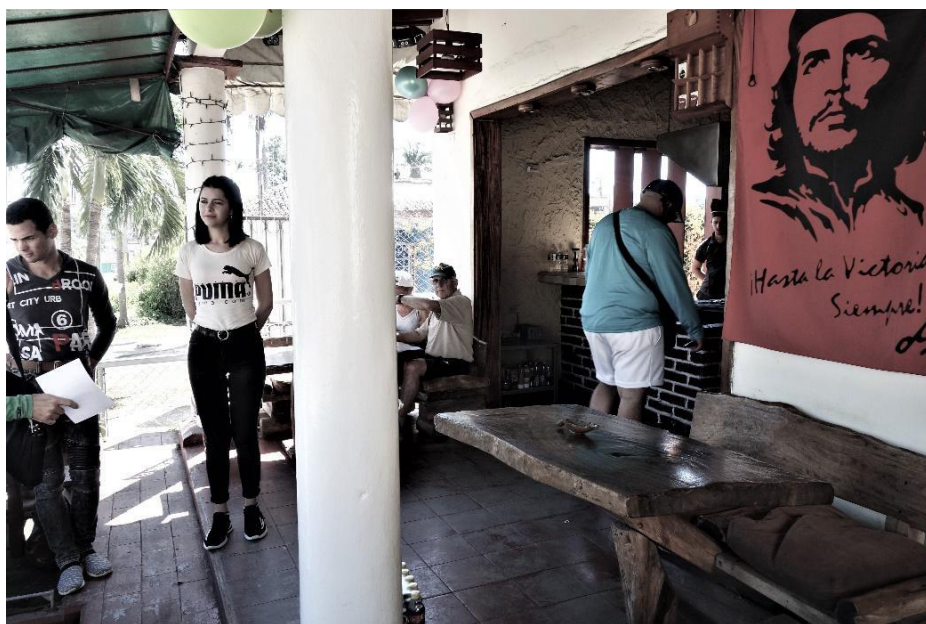

Рисунок 4. Фото.
Источник: сделано автором.

Рядом с героиней репортажа стоит ее коллега в схожей одежде. Таким образом, девушка не является исключением. В новый кадр попадает несколько посетителей ресторана. По одежде и лицам они никак не похожи на пожилых кубинцев.

Там, где кончается объяснительный потенциал видеоискателя, подключаются возможности триангуляции источников. И оказывается, что это поселение является достопримечательностью, привлекающей туристов в первую очередь из Канады и Западной Европы, хотя встречаются посетители и из иных

стран. Американцам запрещено летать на Кубу, поэтому прямых рейсов нет, но желающие добираются с пересадкой в одной из стран Карибского бассейна. Больших гостиниц здесь нет, большая часть местных жителей сдает туристам отдельные комнаты, выплачивая налог государству и получая специальное разрешение. Суточная аренда такой комнаты обходится примерно в 20 долларов. Обедают туристы в ресторане. Счет на одного человека, в зависимости от аппетита, колеблется от 10 до 20 долларов. В этом контексте постер с иконографическим ликом Че Гевары теряет свой изначальный идеологический смысл, превращаясь в туристическую экзотику, в фон, на котором любят фотографироваться иностранные туристы.

Если погрузить портрет официантки в контекст исторического времени, то трудно удержаться от вывода о том, что нечто очень похожее мы уже знаем из курса истории. В единичном снимке просматривается логика трансформации государственного социализма. В СССР это была новая экономическая политика, которая в 1921 году пришла на смену «военному коммунизму» и опиралась на широкое допущение частного бизнеса при сохранении ключевых позиций за государственным сектором. Затем такой же синтез капитализма и государства мы наблюдали в СССР в период перестройки в конце 1980-х годов и во всех странах государственного социализма в период их перехода к капитализму.

Таким образом, простой портрет в сочетании с принципом триангуляции ведет нас к широкой панораме социально-экономической и идеологической трансформации кубинского общества государственного социализма.

Контекст снимка относителен: каждый смотрит через собственные культурные фильтры. Для сглаживания этого неравенства используется атрибутация снимка, то есть описание ситуации, в которой он сделан, и комментарии, связывающие зафиксированные образы с контекстом, находящимся за пределами видимости.

Восприятие визуальных данных

На действия исследователя с камерой воздействуют его представления о возможной реакции адресатов, которые увидят снимок, и снимаемых объектов. Эти соображения, напоминающие диалог автора с редактором и цензором, влияют на то, что и как будет снято. Снимок, чреватый негативной реакцией, имеет немного шансов не только быть обнародованным, но и просто быть сделанным. Так, фотограф сто раз подумает, сомневаясь, можно ли фотографировать людей, переживающих трагедию или находящихся в компрометирующей их ситуации (неубранная комната, неадекватное поведение).

Визуальные данные — это не только то, что снято, но и то, что увидено. Люди смотрят на фотографии через разные линзы своей субъектности. В результате один и тот же снимок может иметь разную судьбу: оказаться в центре внимания или остаться незамеченным, вызвать взаимоисключающие интерпретации.

Очевидность фотографий как социологических данных ограничена культурными возможностями того, кто их рассматривает. Зафиксированные образы — это такие же коды, как и слова, числа. Образы декодируются через доступный пониманию контекст жизненного мира. Ключевым фактором является его адекватность установкам интерпретаторов.

Как отмечает Сьюзен Сонтаг, американская публицистка очень болезненно реагировала на фотографические свидетельства жестокости своей армии во Вьетнаме, но ничего подобного не было в период не менее жестокой войны в Корее. «Публицистка не видела этих фотографий потому, что идеологически для них не было места» [Сонтаг, 2013: 31–32].

Снимок, противоречащий ценностям, установкам и взглядам того, кому он попался на глаза, вызывает болезненное состояние когнитивного диссонанса. Под ним понимается ментальный конфликт, возникающий в ситуации, когда новая информация противоречит убеждениям и предубеждениям. Возникающее напряжение снимается теми или иными защитными уловками: новая информация отвергается, ее избегают или пытаются интегрировать в уже существующую систему взглядов [Фестингер, 2018]. От фактов, вызывающих когнитивный диссонанс, стараются избавиться, как от соринки в глазу.

Проблема достоверности визуальных данных

Если данные — это социальные конструкты, то они неизбежно окутаны облаком сомнений в их достоверности и доказательной силе. Однако фотографии не менее достоверны, чем все иные социологические данные. И к ним применимы обычные методы проверки.

Триангуляция

Это взгляд на объект исследования с разных сторон, что позволяет получить о нем объемное впечатление и минимизировать ошибки интерпретации. Иначе говоря, достоверность снимка перепроверяется. К данной проблеме вполне применимы традиционные методы триангуляции: (1) источников; (2) наблюдателей; (3) методологий. Она не снимает сомнения, но минимизирует их.

Репутация автора

Репутация — это распространенная форма социального контроля. В данном случае речь идет о социальном контроле автора снимка со стороны публицистки — как профессионального сообщества, так и всего круга людей, оценивающих его снимок. Репутация оценивается по качественной шкале «позитивная/негативная» или количественной — «высокая/низкая».

Репутация — это не только оценка, но и социальный институт, ее дающий, а его состояние может быть разным. Одно из них — «банкротство репутации в разных профессиональных сообществах» [Zhao, 2016: 362]. Репутация как социальный институт включает в себя комплекс ценностей (оценка ради чего?) и правил присвоения репутационных индексов.

Репутация тесно связана с социальным статусом, но не является его синонимом. Социальный статус можно описать как комплекс прав, обязанностей и социальных ожиданий, приписанных к позиции в социальном пространстве. Репутация — это оценка социальных ожиданий. В ней есть два компонента. (1) Позиционная репутация, присваиваемая статусной позиции. Это оценка ожиданий, связанных с тем, что автор снимка занимает определенную должность, работает в какой-то организации. Неважно, кто он: репутацией наделяются его должность и организация. Из нее вытекает оценка достоверности снимка. (2) Личная репутация — это оценка автора как индивидуума по шкалам профессионализма, честности, готовности к компромиссам и т.д. Репутация определяет степень достоверности, приписываемой визуальному факту.

Убедительность процедуры

Новичок в спорных случаях сталкивается с отсутствием репутации. Ее дефицит может быть компенсирован подробным анализом процедуры съемки, честным признанием методологических сомнений.

Заключение

Как в строительстве качество архитектурного сооружения зависит от параметров использованных материалов, так и в визуальном социальном исследовании теоретически аналогичную роль играют данные полевого исследования. Их интерпретация в существенной мере определяется процедурой их получения. Путь определяет качество достигаемого результата.

Визуальные данные по самой своей природе имеют противоречивый характер. С одной стороны, они представляют собой физический отпечаток реальности. Это обусловлено технологией фотосъемки как чисто физического процесса фиксации лучей света, в котором, как кажется на первый взгляд, нет места субъектности. Однако абсолютизация этого качества чревата переоценкой достоверности фотографии, что и было характерно для раннего этапа ее истории. С другой стороны, данные созданы наблюдателем, который не может не оставить своё отражение на их содержании и форме. Любой продукт (будь то снимок, интервью или данные опросов) несет на себе отпечаток создавшего его инструмента и мастера. Оценка достоверности данных предполагает анализ процесса их получения и рисков влияния предвзятости.

В процессе социального конструирования визуальных данных можно обозначить несколько качественно различных этапов. (1) Выделение наблюдателем в неразрывном потоке социальной реальности «пикселей» фактов. Социальная реальность имеет нерасчлененный характер — в ней все связано нитями причинно-следственных связей, границы между узлами социального взаимодействия размыты. Наблюдатель, чтобы что-то сфотографировать, должен эту реальность расчленить на логически цельные части. (2) Сортировка социальных фактов. Наблюдатель приписывает им статус «важных», «любопытных» или выводит за скобки своего внимания. Основная

часть наблюдаемой реальности охватывается скользящим взглядом, не замечается или, будучи замеченной, тут же забывается. (3) Кадрирование, адекватное предмету исследования. С помощью видеоискателя наблюдатель вычленяет в реальности объекты, достойные внимания и адекватные задачам исследования. (4) Выделение в кадре элемента, по которому производится фокусирование. Что-то оказывается в центре с помощью наводки резкости, что-то остается размытым фоном. (5) Выбор момента создания кадра. Время — это непрерывный поток, но технология фотографии предполагает его разрыв, выделение в нем момента, достойного фиксации. (6) Сортировка полученных кадров. Одни по разным причинам стираются, другие попадают в базу данных. (7) Обработка снятого кадра (обрезка «лишнего», корректировка фокусировки внимания с помощью уровня освещенности и т.д.). В процессе движения от этапа к этапу наблюдения социальные факты превращаются в данные как материал для дальнейшего анализа. Под фактом в данной статье понимаются элементы объективной реальности, которые исследователь выделяет как важные факторы, влияющие на прочие процессы. С одной стороны, факт еще принадлежит нерасчлененной объективной реальности, а с другой — он уже выделен из нее в сознании наблюдателя и получил точное или туманное определение. Данные же имеют иную физическую природу: это результат фиксации фактов, придание им формы, делающей их пригодными для анализа.

Все социологические данные являются социальными конструктами. Фотоснимки, полученные в полевом исследовании, не представляют собой исключения. Их достоверность обеспечивается, во-первых, анализом процедуры их получения, чреватой субъективацией реальности, во-вторых, использованием триангуляции источников, наблюдателей и методологий; в-третьих, репутацией исследователя.

Литература

- Беньямин В.* Московский дневник. М.: Ad Marginem, 1997.
- Беньямин В.* Бодлер. М.: Ad Marginem, 2015.
- Ватолина Ю.* Метод наблюдения в социологии. СПб.: Издательство С. — Петербургского университета, 2006. EDN: [QNZKUZ](#)
- Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.
- Ильин В. И.* и др. Двое в обществе: интимная пара в современном мире / Под ред. И. В. Ломакина. М.: ВЦИОМ, 2020.
- Кареев Н. И.* Введение в изучение социологии. М.: Издательство Юрайт, 2018.
- Руйе А.* Фотография между документом и современным искусством / Пер. с фр. М. Михайловой. СПб.: Клаудберри, 2014.
- Сонтаг С.* О фотографии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013.
- Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса. М.: Э, 2018.
- Шкловский В.* О теории прозы. М.: Издательство «Федерация», 1929.
- Штомпка П.* Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник. М.: Логос, 2007. EDN: [QOHERV](#)
- Emmison M., Smith Ph.* Researching the Visual. London: SAGE, 2000.

Maresca S., Meyer M. Précis De Photographie à L'usage Des Sociologues. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2013. DOI: <https://doi.org/10.7202/1052140aradressescopiéeneurreur s'est produite>

Zhao B. Reputation as Social Control in Present China: Use, Misuse, Abuse, and Bankruptcy // Asian Journal of Comparative Law. Vol. 10. № 2. P. 359–379. DOI: <https://doi.org/10.1017/asjcl.2015.16>

Сведения об авторе:

Ильин Владимир Иванович — доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** ivi-2002@yandex.ru. **РИНЦ Author ID:** 72354; **ORCID ID:** 0000-0002-3658-8112.

Статья поступила в редакцию: 14.09.2023

Принята к публикации: 12.10.2023

БАК: 5.4.1

Visual Sociological Data as a Social Construct

DOI: 10.19181/inter.2023.15.4.5

Vladimir I. Ilyin

St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia

E-mail: ivi-2002@yandex.ru

The interpretation of visual data obtained in a field study is substantially determined by the procedure for obtaining them. The purpose of the article is to analyze the process of social construction of visual sociological data by a researcher with a camera. Visual data are contradictory. On the one hand, the data represent physical imprint of reality. This is due to the technology of photography. The absolutization of this quality is fraught with overestimation of the authenticity of photographs. On the other hand, data are created by an observer who cannot but leave his/ or her mark on their content and form. The interpretation of visual data of the field research requires to take into account the nature of this print.

In the process of social construction of visual data, several qualitatively different stages can be distinguished. (1) The observer's identification of "pixels" of facts in the unbroken stream of social reality. (2) Sorting them. He/ or she gives them the status of "important", "curious" or puts them out of the brackets of observer's attention. The very process of creating data is already their interpretation. (3) Framing adequate to the subject of the study. (4) Selection in the frame of the element on which focusing is performed. (5) Selecting the moment of picture creation. (6) Sorting of received pictures. Some are erased for various reasons, others get into the database. (7) Processing of the picture (cropping "excess", adjusting the focus of attention using the light level, etc.). In the process of moving from stage to stage of observation, sociological facts turn into data as material for further analysis.

All sociological data are social constructs. The photographs obtained in the field study are no exception. Their reliability is ensured, firstly, by the analysis of the procedure for obtaining

them, fraught with subjectification of reality, secondly, by the use of triangulation of sources, observers and methodologies; thirdly, by the reputation of the researcher.

Keywords: social fact; visual data; life world; objectivism; constructivism

References

- Benjamin W. (1997) *Moskovskij dnevnik* [Moscow Diary]. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)
- Benjamin W. (2015) *Bodler* [Baudelaire]. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)
- Durheim E. (1991) *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sociologii* [On the Division of Social Labor. The Method of Sociology]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Emmison M., Smith Ph. (2000) *Researching the Visual*. London: SAGE.
- Festinger L. (2018) *Teoriya kognitivnogo dissonansa* [Cognitive Dissonance Theory]. Moscow: E. (In Russ.)
- Ilyin V. I. et al. (2020) *Dvoe v obshchestve: intimnaya para v sovremennom mire* [The Two in the Society: Intimate Couple in the Contemporary World]. Ed. by I.V. Lomakin. Moscow: VCIOM. (In Russ.)
- Kareev N. I. (2018) *Vvedenie v izuchenie sociologii* [Introduction to the Study of Sociology]. Moscow: Izdatelstvo Yurajt. (In Russ.)
- Maresca S., Meyer M. (2013) *Précis de photographie à l'usage des sociologies* [Precise Photography for the Use of Sociologies]. Rennes: Presses Universitaires de Rennes. (In French) DOI: <https://doi.org/10.7202/1052140aradressescopiéeuneerreur s'est produite>
- Ruje A. (2014) *Fotografiya mezhdokumentom i sovremennym iskusstvom* [Photography Between Document and Contemporary Art]. Transl. from French by M. Mihailova. Saint Petersburg: Klaunderri. (In Russ.)
- Sontag S. (2013) *O fotografii* [On Photography]. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)
- Shklovskij V. (1929) *O teorii prozy* [On the Theory of Prose]. Moscow: Izdatelstvo "Federatsiya". (In Russ.)
- Shtompka P. (2007) *Vizualnaya sociologiya. Fotografiya kak metod issledovaniya: uchebnik* [Visual Sociology]. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Vatolina Yu. (2006) *Metod nablyudeniya v sociologii* [The Method of Observation in Sociology]. St. Petersburg: Izdatelstvo S. — Peterburgskogo universiteta. (In Russ.)
- Zhao B. (2015) Reputation as Social Control in Present China: Use, Misuse, Abuse, and Bankruptcy. *Asian Journal of Comparative Law*. Vol. 10. No. 2. P. 359–379. DOI: <https://doi.org/10.1017/asjcl.2015.16>

Author Bio:

Vladimir I. Ilyin — Doctor of Sociology, Professor, St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** ivi-2002@yandex.ru. **RSCI Author ID:** 72354; **ORCID ID:** 0000-0002-3658-8112.

Received: 14.09.2023

Accepted: 12.10.2023